

Николай Ольков

*И ныне, и
присно*

Собрание сочинений. Том 11

Николай Максимович Ольков

И ныне, и присно. Собрание сочинений. Том 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22203424

ISBN 9785448354366

Аннотация

Бронислав Лячек в юности познакомился с Великой Княжной Анастасией. И пронес эту любовь через всю жизнь. Стана – имя, придуманное для Анастасии сестрами. Так получилось, что три мои дочери носят такие же имена и в таком же порядке: Ольга, Татьяна, Мария. Конечно, это случайность, но... Анастасии у меня нет, потому я полюбил эту девочку и с великим чувством писал этот роман.

Содержание

1	8
2	33
3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**И ныне, и присно
Собрание
сочинений. Том 11
Николай
Максимович Ольков**

*Стане, Анастасии, с душевным трепетом
посвящаю*

© Николай Максимович Ольков, 2016

ISBN 978-5-4483-5436-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Река долго, тысячи лет и тысячи километров, разбегалась по дикой, необжитой народом степи, чтобы, в предчувствии скорого исчезновения, напрячь накопившиеся силы и метнуть их в мощном броске на Гору, отринуться, понять безнадёжность усилий, и тогда попытаться уйти от неизбежного уже слияния с важными водами Большой Реки. От угрозы раствориться в этих водах и течь дальше вместе под чужим уже именем, Река, оттолкнувшись от Горы, хотела было повернуть вспять, но своеволия испугалась, заложила широкую, неохватную петлю, внутренний берег размыла и низве-

ла до заливного луга, внешний возвысила, обустроила, украсила логами и оврагами, вырастила березовые леса, населив зверем и птицей, набросав в них охапками кусты смородины и малины, россыпи ежевики, костянки и клубники с земляникой, спрятав выводки гусей, опят и обабков.

Человек, ступивший на край Горы, обомлел от невиданной красоты, кликнул сотоварищей, и молча стояли они у края, обозревая, сколь видно было, желанное место. Умыли лица своей чистой водой незнакомой Реки, поклонились Востоку, и охнула от прикосновения топора белая береза, которой суждено было лечь в оклад первой избы. И назвали то место Зареченька.

Седой зимой через убранные суметы снега с трудом протискиваются лоси и козы, направляясь в подлески, где вихревой ветер озорно выметает опушки, оголяя засохшую траву, малый кустарник и золотой березовый лист, который тоже годится в пищу, если неволят морозы и падера. Кабаны семьями выходят на кормежку, поросятки хрюканьем и повизгиваньем ободряют отца, который буровит снежную залежь, разрывая уже промерзшее одеяло осоки и шумихи, скovyривает кочки, и молодняк беззаботно отыскивает корешки, похрумкивает лакомством, взметнув бирьки и сладострастно прищутив глаза, а мамаша чутко пронюхивает воздух, отыскивая признаки человека или волка.

Лютый зимой небо опускается так близко к земле, что соединяются в едином порыве снежная круговерть и незримая

пыль облаков; солнце не находит сил, чтобы разорвать это месиво, оно злится, краснеет и порой удаётся ему кинуть свой суровый взгляд на своевольную стихию; а если нет – чудные дива случаются в небесах: солнце разведет по обе стороны от себя собственное отражение, и тогда всему живому на земле явятся три солнца, чтобы утратить зверя, напугать птицу, смутить думающего человека.

Зато летом, когда схлынет разлив Большой Реки, и обнажатся размашистые луга, буйно идет в рост все живое и зеленое, изумрудностью подернется местность, звери спустятся с Горы на приволье, выведут весеннего рождения детенышей и будут кормиться тут, пока Человек придет и заявит свои права. Человеку тоже полюбились эти места, он распал гривы и засеял злаками, он тысячи скота развел на вольных кормах, он дома поставил и объединил их в деревни, он храмы возвел посреди села с гулким колокольным звоном. Человек придет и спугнет зверя, выкосит все ложбинки и низины, намечет округлые стога, высокой изгородью защитит свой труд от звериного озорства.

Тысячи гроз прогремят над Зареченькой и тысячи дождей омоют ее, многие поколения родятся и закончатся на этой земле, прославив ее многими плодами крестьянской работы и отважной дерзостью на бранном поле. Река все так же тиха и напориста, радостная в своей синеве; Гора холодна и хмура, все так же огрызается оголенными провалами логов и оврагами; зареченская долина горда зеленою травой и золо-

том хлебных полей. И многоликая жизнь проносится надо
всем, вечная и бесконечная...

1

В первый день православного Рождества молодой человек, совсем еще подросток, вместе с родителями только что прибывший из Варшавы, вернулся из ближайшего костела со службы, позавтракал и вышел в сад Царскосельского дворца, где семейству были отведены комнаты. Для тринадцати лет был он довольно высок, строен, чист лицом, серые глаза и прямой нос делали его взрослее и серьезнее. Отца, как знатока важных старинных документов, Государь лично пригласил вместе с семейством служить при дворе, занимаясь только что найденными в архивах бумагами, их следовало привести в порядок, частично перевести и дать толкование Императору. О важности сих бумаг юный Бронислав думал менее всего, его восхитил Петербург, зная по гравюрам все сколько-нибудь выдающиеся здания и памятники города, он узнавал и Медного Всадника, и Адмиралтейский столп, и Невский проспект, но как широко открылись они его взорам, как далеко вышли за пределы книжных познаний!

Он прошел по хорошо очищенной от снега липовой аллее, глубоко вдыхая воздух незнакомого и родного города, в памяти роились десятки строк русских поэтов о зиме и снеге, но ни одну не мог он поймать, чтобы остановить все стихотворение! «Какая прелесть!» – он сел в беседку, думал

и о снеге, и о новом для него празднике, и о городе, в котором предстояло учиться и жить неизвестно сколько. И как круто иногда разворачивает человека судьба, он был в Варшаве, учился в гимназии, занимался языками и отцовской исторической наукой, но где-то что-то меняется, в интересах Империи нужны какие-то меры, и вот вся семья едет в чужие края, хотя и в столицу. Отцу не очень хотелось, но указ был именной, потому выполнение необходимо.

Бронислав не сразу заметил невысокую девочку в расшитой шубке и шапке с соболиным хвостом, которая шла по аллее в сопровождении дамы средних лет, изредка подбегала к невысокому снежному брустверу, ухватывала пригоршню мягкого снега, лепила комочки и бесцельно бросала их в сторону раскричавшихся ворон. Бронислав вышел из беседки и поклонился дамам.

– Мадам, я не знаю этого мальчика. Кто он? – звонким голосом спросила девочка.

– Ваше Высочество, это неприлично! – зашипела воспитательница.

– Ничего не нахожу неприличного, я девочка, а не дама, к тому же, мы не на балу. В моей аллее именно в час моей прогулки появляется незнакомый мальчик, и я хочу знать, кто он. Что тут неприличного? Ну-с?! – обратилась она к покрасневшему незнакомцу. Он уже понял, что перед ним одна из Великих Княжен.

– Меня зовут Бронислав, мы только что прибыли из Вар-

шавы.

– Замечательно! Это вас поселили с северной стороны дворца?

– Право, не знаю, я еще не ориентируюсь, где здесь север. Девочка залилась веселым и громким смехом:

– Север здесь в том же направлении, что и в Варшаве. Мое имя Анастасия. А вас я буду звать Броня, нет, просто Боня. Вы не возражаете?

– Нет, Ваше Высочество!

– Ну, вот, и тут то же самое! Даю вам право звать меня по имени. Приходите после обеда к пруду, солдаты сделали горки и каток, ведь сегодня Рождество. Вы католик?

– Да, Ваше Высочество.

– Все равно приходите, будет праздник.

Воспитательница опять вмешалась:

– Праздник устраивает Государь, и Вы не можете приглашать без его согласия.

Анастасия ответила резко:

– Папа разрешил мне приглашать, кого захочу. Вы мне надоели, я убегаяю.

И она понеслась по аллее, оставив не очень расторопную воспитательницу.

Бронислав был поражен, все случившееся казалось ему сном, наваждением. Лицо Анастасии, челка каштановых волос, выбившаяся из-под шапки, большие голубые глаза, четко очерченные губки, приглашение, которым он не знал, как

воспользоваться. Дома обо всем рассказал отцу.

Пан Леопольд Лячек был очень крепкий сорокалетний мужчина, густые с сединой волосы зачесывал назад, ходил прямо и гордо, лицо брил, при работе надевал очки, и они закрывали его густые брови и темно-серые глаза. В суждениях, как всякий ученый, был резок, компромиссов не признавал.

– Ты поступил недостойно, сын мой, в тринадцать лет следует знать, что неприлично как бы случайно оказываться на пути дамы. Я полагал бы на праздник не ходить, не думаю, что твое отсутствие будет замечено, а вот явление может вызвать нежелательные разговоры. Мы поляки, сын, и не нужно этого забывать.

Чтобы не переживать, Бронислав совсем не выходил из квартиры. Он смотрел в окно и представлял княжну Анастасию на катке и высоких горках, которых вообще никогда не видел.

Утром следующего дня отец привел в дом пожилого мужчину, представив его учителем языков. Мужчина был слегка помят, безразличен и хмур.

– Сын, это господин Синиэль, Жан Саниэль, знаток языков, он сейчас не в духе после праздника, но весьма образован и способен к передаче знаний. Приглашен был для обучения младших детей Государя, но проявил свою слабость, и отвергнут. Мне разрешили взять его. Господин Саниэль, моего сына зовут Бронислав, скажите еще раз, какие языки вы будете давать.

Француз пожевал губами и начал перечислять:

– Европейские почти все, без скандинавских, латынь, если изволите, иврит или идиш, на выбор. Продолжать?

– Хорошо, об условиях мы договорились. Завтра можете приступать.

Три раза в неделю по три часа Бронислав с Жаном отдавали занятиям, через месяц решено было остановиться на французском, испанском, итальянском и русском, еще латынь и арамейский, на древнем семитском настоял отец, считающий обязательным знать язык Господа своего.

Потом стал приходиться учитель математики и естественных наук, отставной профессор Петербургского университета Маковцев. Георгий Михайлович отметил большие способности своего ученика и заверил мальчика:

– Через пару лет вы успешно выдержите экзамены в университет, это я вам обещаю.

Бронислав выходил на прогулку дважды: днем и уже в темноте, очень хотелось увидеть Анастасию, но он боялся появляться в аллее в час ее прогулки. В этот раз он оделся очень легко, предполагая пройтись вдоль дворца несколько раз и вернуться к занятиям: языки требовали усидчивости.

– Так вот вы где! – услышал он знакомый голос, и сердце застучало прямо в горлышке: Анастасия! – Почему вы, сударь, не соблаговолили явиться на праздник в Рождество и теперь скрываетесь от возмездия уже месяц?

Она стояла перед ним одна, без сопровождения, невысо-

кая, коренастенькая, улыбчивая, голубые глаза ее беззаботно радовались. Он молчал. Ее устраивало его смущение, она наслаждалась властью над этим странным поляком.

– Вас не пускают из дому? – вдруг спросила она.

– Что вы, вовсе нет, я много занимаюсь, и потом... Я так бестактно вел себя там, в аллее, простите мою невоспитанность.

– Господи, и вы о том же. Все хотят воспитывать, а я хочу жить и радоваться. Когда я купаюсь в пруду, только папенька может меня оттуда вынуть. Или влажу на дерево. Да, я лазаю по деревьям не хуже мальчишек. Мне так весело, что все внизу просто от страха за меня повизгивают, а я вижу весь мир вокруг значительно больший, чем они, несчастные. Потом приходит папа и командует. После обеда мы гуляем в саду, почти в любую погоду, присоединяйтесь к нам, мои сестры очень добрые и красивые. Наследник часто болеет, потому у него особый режим. Жду вас завтра в аллее.

И она побежала в сторону парадного подъезда.

Бронислав только теперь почувствовал, что продрог, дома мама сделала ему компресс и растерла водкой ноги, но к ночи поднялась температура, мальчик бредил, произносил странные слова из только что заученных, утром температура снизилась, он спал весь день. Вечером отец сел у постели:

– Надо быть осторожней, сын, это Россия, простуда – самая распространенная болезнь русских. Как ты себя чувству-

ешь?

– Хорошо, папа, но я хочу тебе сказать, что скоро будет война, я знаю это от канцлера Вильгельма.

– Матка Боска! – взмолился отец. – Откуда взялся канцлер? Он приснился тебе?

– Нет. Просто я его видел и узнал, что война с Россией начнется этим летом, все как-то связано со смертью Франца-Фердинанда.

Леопольд обнял сына:

– Маленький мой, тебе это привиделось в бреду, у тебя был жар, успокойся.

– Я спокоен, папа, – сказал сын слабым голосом и снова уснул.

Когда он через две недели появился в аллее, все четыре княжны: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия прохаживались, тихонько о чем-то говоря. Мальчик скользнул в беседку, но был замечен.

– Боня, я жду объяснений. Представляете, назначила молодому человеку свиданье, а он уже дважды не явился. Что мы с ним сделаем?

Старшие улыбнулись, раскланялись с потрясенным мальчиком и оставили детей одних. Татьяна предупредила:

– Стана, ждем тебя через четверть часа.

Анастасия вошла в беседку:

– Как все мило, скоро весна, вы это чувствуете? Вы боле-
ли?

– Да, я простудился.

– Ах, это, очевидно, в тот случай, простите меня, я видела, что вы легко одеты, но не подумала о последствиях. Наследник тоже лежал в эти дни, в доме очень тяжело. Его спасает старец Григорий. Как ваши науки?

– Мои учителя не дают покоя, считают, что через два года можно сдавать в университет.

– Да, вы будете студентом, в гуще молодежи, а мы обречены дожидаться своих принцев дома. Папенька только следующей зимой выведет в свет Ольгу и Татьяну, это он уже объявил, а когда до меня очередь дойдет?

– Григорий – это кто?

– Святой. Да, святой человек, он многих пользуется, а для Алеши просто спаситель, у него очень нехорошая болезнь. Григорий крестьянин, из глубины Сибири, в нем сила и дар от Бога. Все, довольно, я побежала, сестра у меня строгий воспитатель. Когда вы придете?

– Наверное, через три дня.

– Прощайте! – и она опять резво побежала по аллее, оставляя ему приятные воспоминания и тревогу от странной новости: Григорий. Надо спросить отца.

Дома ему вдруг сделалось дурно, он хотел было позвать маму, но почти без чувств опустился в кресло, и сильная боль с волнами набегавшим шумом сжала его мозг. Он остался в сознании, оно путалось, какие-то новые мысли проносились и исчезали, новые лица мелькали, как в кинемато-

графу, он едва успевал узнавать: Государь, царица, княжны, наследник. Потом Анастасия, в слезах. Далее какие-то люди, мертвые тела, простыни, запах серы. Бронислав закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Ему стало легче дышать, но в голове был беспорядок. Он не мог дать толкование, что с ним, откуда эти картины и эти мысли, именно мысли, не было же никаких слов, но он странным образом знал, что видел... их гибель.

– Мой Бог! – прошептал мальчик. – Избавь меня от этой кары, я ничего не могу понять, ничего не хочу знать, я очень болен.

К приходу отца он оправился, занимался математикой, когда тот вошел в его комнату.

– Папа, видимо, я болен, в моей голове не все в порядке. Я уже говорил тебе о войне, сегодня еще более страшные известия. – Он сам испугался этого определения, потому что оно показалось ему наиболее точным: известие, кто-то неведомый извещает его о том, чего не знает еще никто на белом свете. – Я не хотел бы говорить о содержании, оно ужасно. Может быть, в Петербурге есть хорошие доктора, папа, я боюсь. И сегодня я узнал о старце Григории, кто это, он действительно чародей? Может быть, следует обратиться к нему?

– Боже тебя сохрани от общения с этим человеком! – испугался Леопольд. – Это страшный человек, в нем действительно есть сила, но никто не может твердо сказать, от ко-

го она. Недаром его фамилия Распутин. Это страшный человек! Тебе не надо его знать.

В тот же день Бронислава на выходе из дворцовой ограды через главные ворота обогнала запряженная тройкой карета с открытым верхом, сидевший в ней бородастый мужчина в темной накидке и низкой шляпе, из-под которой распались в обе стороны пряди темных волос, резко повернулся в сторону и встретился взглядом с мальчиком. Карета уже пронеслась, когда раздался зычный голос:

– А ну, разверни!

Кучер придержал коней, карета катилась навстречу Брониславу. Он уже понял, что в карете сам Распутин.

– Остановись, юноша! – приказал тот голосом, которого невозможно было послушаться. – Подойди сюда. Молодец. Еще раз посмотри мне в глаза! Ах, ты! Все, не следует боле. Ты чей?

– Бронислав Лячек, из Варшавы.

– А папаша твой кто?

– Историк, он работает с бумагами для Государя.

– Приходи ко мне на городскую квартиру, поговорить с тобой хочу.

– Меня папенька не отпустит.

– Эка причина! Папенька сам тебя и привезет. Все, пошел! – И он привычно хлопнул кучера по спине.

Вечером Леопольд пришел домой в слезах. Ни жена, ни сын еще не видели его таким расстроенным.

– Я получил высочайшее указание сегодня после ужина поехать с сыном к Распутину. Бронислав, где он мог тебя видеть?

– Сегодня во дворцовых воротах, он проехал на тройке, потом вернулся.

– Он говорил с тобой?

– Только несколько слов. И велел посмотреть в глаза.

– Мой Бог, что надо этому человеку от простого поляка?

Жена Ядвига, никогда не выражавшая своего мнения и говорившая очень редко, к чему привык даже сын, вдруг подала голос:

– Что плохого успел ты узнать о старце за месяц жизни при дворе?

– О, если бы ты знала хоть сколько! Это сам дьявол, он пьяница и развратник, но обладает некой темной силой, удачно лечит гемофилию наследника и тем вырос в глазах императрицы. О нем говорит весь Петербург.

Карету подали сразу после ужина, Леопольд долго молился, обнял жену, поцеловал сына. Мальчик не понимал столь высокой взволнованности отца.

Молодая женщина провела их в квартиру Распутина, которая показалась Брониславу тяжелой и запущенной. Старец вышел к ним в роскошном халате и стоптанных башмаках, пригласил сесть, сам откинулся на большую продавленную тахту. Бронислав со страхом и любопытством на него смотрел: фигура крепкого мужика, широкоплечего, мускулисто-

го; неопрятен, самоуверен, длинные темные волосы ниспадают по обе стороны головы, прикрывая бледное узкое лицо, заросшее беспорядочной бородой, даже крошки пищи показались мальчику в спутанных волосах. Но глаза этого человека поразили гостя: большие, светлые, сверкающие, пронизывающие и ласковые.

– Пан, я тебя позвал, чтобы ты согласился парня своего отдать мне в ученики. Помолчи! Я сегодня первый раз его увидел и нашел в нем способность. Ну, это уже мое дело. Так отдашь?

– Милостивый государь, – церемонно начал Леопольд, но Распутин перебил его:

– Я не о милости прошу, а ради твоей же пользы. Ты не замечал за парнем ничего необычного?

– Нет! – соврал пан и покраснел.

– Ты пошто врешь мне, святому человеку, я же тебя насквозь вижу! Парень твой одарен особой способностью, какой нету у простых людей. При мне он будет присмотрен и в рамках, пока я жив, никто до него не коснется, но ты учти, что акромья меня тьма желающих заполучить такой подарок.

Потом повернулся к Брониславу, который все время молча сидел в кресле и наблюдал за старцем:

– Скажи мне, сынок, тебя пугают догадки какие-то, мысли незнакомые, не свои?

– Да, сударь.

– Я же говорил! – торжественно воскликнул Распутин. –

Анна, мадеры!

Та же женщина внесла поднос с тремя бокалами и бутылкой вина, старец мастерски ее откупорил, налил всем по полному:

– За наше сотрудничество во имя Государя Императора и Святой Руси!

– Подождите, пан Распутин, – отец так и не взял наполненный бокал. – Мы ни о чем не договорились. Давайте начнем с того, что если и есть в моем сыне какие-то особые способности от Господа нашего, как могу отдать его вам, православному, человеку иной веры?

Распутин громко расхохотался:

– А как же ты, польская твоя сущность, определил, какому богу я молюсь, если мне самому сие неведомо? Вот что, пан, по приезде во дворец буду вызывать твоего парня, и не вздумай перечить. А пока прощевайте. Анна, проводи!

Несмотря на большое смущение и даже страх, Леопольд возмутился:

– Умеют же русские сотворять себе кумиров! Старец! Я думал, действительно, старик, а он моим летам ровесник!

Бронислава не особо заботили предложения Распутина и реакция папеньки, он все больше растил в своем сердце алую розу почитания и боготворения Анастасии, которая, как ангел небесный, опустилась перед ним, чтобы смутить и испытать его душу. Он был совершенно уверен, что Господь все продумал за них и свел здесь, в неожиданном Пе-

тербурге, чтобы она, красавица и шалунья, вторглась в его размеренную жизнь, изменяла ее, возмутила, заставила беззаботного подростка страдать и чувствовать. Завтра надо бежать в аллею, она придет, светлая, как наступившая весна, в легкой накидке, с распушенными богатыми своими волосами, непременно с зонтом от яркого солнца. Если с нею будет воспитательница, разговора и вовсе не получится, да и не будет никого – не намного смелее станет влюбленный мальчишка. И тогда он придумал: письмо! Во всех романах именно письмо выручало молодых людей, когда они лишены были возможности говорить откровенно. Бронислав сел, развернул лист бумаги и замер с пером в руках над белым его пространством. Еще мгновение назад все казалось так просто, а перо не хотело касаться листа, потому что автор так и не нашел еще первого слова. Он хотел обратиться, как и положено: «Ваше Высочество!», но такое показалось ему черес-чур официальным, да и сама Анастасия несколько раз возмущенно отвергала подобное обращение, вздернув губку: «Ну, вот еще!». И тогда он написал:

«Княжна Анастасия! Не имея возможности каждый день видеть Вас и говорить с Вами, я страдаю и остаюсь один на один со своими чувствами. Вы обратили на меня свой взор, сделав обыкновенного человека счастливейшим из всех, и я бы не хотел злоупотреблять Вашим вниманием ко мне, которое, возможно, для Вас ничего и не значит. Мои занятия и желание поскорее закончить подготовку не остав-

ляют времени на праздные размышления, но Ваш образ всегда со мной, он в душе моей, и ничем уже теперь его оттуда не вынуть. Я передам Вам это письмо при встрече, и, если это позволительно, просил бы милостиво ответить мне письменно. Преданный Вам Бронислав Лячек».

Вопреки опасениям, Анастасия была в аллее одна, воспитательница сидела с книжкой в дальней беседке. Не доходя нескольких шагов, молодой человек остановился и чопорно поклонился даме. Княжна улыбнулась и тоже кивнула.

– Давайте будем гулять, сегодня такой воздух! Наши все ушли к пруду, смотрят, как садится лед. Вы должны ценить, что я отказалась от столь интересного зрелища ради встречи с вами. – Она кокетливо посмотрела на него.

– Благодарю вас, Ваше Высочество!

– Прекратите сию минуту! Я же разрешила называть меня по имени, тем более, когда мы одни. Я вас зову Боня, вы меня... Настей, так будет приличней. Меня домашние зовут неожиданно и мило – Стана, все буквы в имени местами переставили, получилось забавно, но это только для очень близких, вы не обижайтесь. А еще мы из первых букв своих имен составили коллективное имя для всех сестер: ОТМА – Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия. Ну-с, довольно. Что еще интересного в эти дни случилось, расскажите, страсть люблю новости.

– Я был вместе с папой в гостях у Распутина.

– Вот как? Отчего такая честь? Что он вам сказал?

– Пригласил он потому, что заметил во мне какие-то способности, сказал, что берет меня к себе на воспитание и для развития этих способностей.

– А способности какие? Боня, не томите душу, у вас есть выдающиеся способности, а я об этом ничего не знаю! Это не честно!

– Право, не знаю, как сказать, Распутин видел меня всего мгновение, и сразу остановил карету, говорил со мной минуту, а вечером вызвал к себе. Понимаете, мне стали являться некоторые картины будущего, возможно, это бред, сон, фантазии, но Распутин настаивает.

– Вы согласились быть его учеником?

– Папенька категорически против. К тому же я готовлюсь в университет, мистика меня не интересует, я хотел бы основательно заняться русской историей и языками.

– Боня, я могу об этом рассказать сестрам или маме?

Бронислав смутился:

– Не уверен, Княжна, что это следует предавать огласке.

Она обрадовалась:

– Хорошо, пусть это будет нашей маленькой тайной.

– Княжна Анастасия!

– Настя!

– Княжна Настя!

– Вы неисправимы! Продолжайте, а то забудете, что хотели сказать.

– Как можно! Я многое хотел вам сказать, но доверился

бумаге и передаю это письмо.

– Благодарю вас. Если сочту нужным, отвечу и пришлю лично вам прямо завтра. Чур, уговор: письма прятать как можно лучше, если сестры узнают о нашей переписке, я получу внушение. Мамошка очень строга к этому. Прощайте!

И она тихонько пошла в обратную сторону, предоставив ему несказанное счастье еще раз пройти по ее следам, оставленным на не совсем просохшей дорожке.

Молодой человек еще не мог знать тогда, какое чудесное, единственное в природе человека состояние переживает он, какие изумительные по чистоте и силе подсознательной памяти дни и ночи, ибо и ночами Она виделась ему светло и радостно, и отношения эти, и дневные редкие, и почти постоянные ночные, отличались от суетности и обыденности бытия, наполняли жизнь и сны похожими ощущениями непреходящего счастья. Бронислав три дня в неделю, когда удавалось видеть Княжну и говорить с нею, считал самыми главными в своей жизни, он нисколько не думал о завтрашнем, будучи безо всякого сомнения уверенным, что все выполнит, постигнет науки, заработает средства, сделает имя – все, чтобы быть достойным самой лучшей барышни на земле. Он помнил грустные слова Анастасии, что их удел – дожидаться во дворце своих принцев и сделать брак не результатом чувств, но инструментом политики, но он знал из европейской истории немало примеров, когда даже наследные принцы отказывались от короны во имя любви, и были счастли-

вы. В его мечтаниях образ веселой шалуньи и несравненной красавицы был всегда рядом, и никакая фантазия не могла заставить его допустить, что все может быть иначе.

Мальчик-слуга принес ему на серебряном отцовском подносе пакет с царским вензелем:

– Пан, вам письмо от Ее Высочества, только что принесла из апартаментов ее фрейлина.

Бронислав вскрыл письмо:

«Боня, можете мною гордиться, я сама рассказала маме о нашем знакомстве, она строгая, но справедливая, и сестры мои, всегда буду им благодарна, отозвались о наших встречах в самых лучших тонах. Потому сегодня приглашаю вас к вечернему чаю, который имеет быть в пять часов вечера. Будут сестры и наследник, я ему сказала о вас, он жаждет познакомиться. Анастасия».

Он забросил уроки и стал выбирать костюм для визита, мама была перепугана и все время подсказывала некоторые детали поведения за чаем. Едва дождавшись половины пятого, Бронислав пошел к парадному, но тут же был встречен незнакомой барышней чуть старше Анастасии:

– Простите, сударь, если вы пан Лячек, то мне приказано передать вам извинения Ее Высочества княжны Анастасии. Вас не могут принять, потому что в доме несчастье, мне разрешено сказать вам под секретом: неожиданно заболел цесаревич Алексей. Княжна завтра в одиннадцать будет в аллее. Извините, я спешу.

Удрученный Бронислав повернул было обратно, но мощный и хорошо знакомый голос остановил его:

– Паныч, я очень спешу к больному царевичу, обожди меня тут, ты мне крайнехонько нужен.

Распутин в холщовой крестьянской рубахе, широких шароварах и хромовых сапогах, домашний и деревенский, нелепо смотрелся в Царскосельской роскоши, но Бронислав понял, что его привезли таким, каким застали в квартире или в гостях. Странно, но старец не пугал молодого человека, в отличие от отца, он не видел ничего такого, что могло бы препятствовать их общению. Прошло более получаса, прежде чем Распутин появился в дверях:

– Иди сюда.

Бронислав поднялся по ступеням. Офицер охраны хотел было что-то сказать, но старец отвел его взмахом руки.

– Иди за мной.

Они прошли коридорами через две залы, Распутин отворил огромную дверь в довольно просто обставленную комнату.

– Здесь будем говорить, царица отвела мне этот угол на случай, если придется заночевать. Ну, тебе об этом знать не надобно. Так вот, милай мой. Ты, определенно, слышал, что я непростой человек, а Божий, мне многое дано, вот сейчас наследнику кровотечение остановил. Доктор Боткин не мог, а я сделал. Евгений Сергеевич ученый человек, а я крестьянин. Ну, довольно об этом. Тебе видения были, ка-

кие, скажи? Сон ли являлся или в сознании происходит?

– В сознании, но в болезни, а то и в огорчительных моментах.

– Что видишь, слышишь?

– Вижу лица, чаще знакомые, просто по портретам, слов не слышу, только мысли, то есть, знаю, что они знают.

– Вспомни один момент, к примеру.

– Видел канцлера Вильгельма, потом принца Франца-Фердинанда, потом стал знать, что принца убьют, и потому начнется война, нынешним летом.

Распутин вскочил и стал нервно ходить по комнате.

– Пан Распутин, не нужно этому придавать значение, я в тот день был в горячке, возможно, это бред.

– Если бы, паныч, если бы. Не могут одинаково бредить сразу несколько человек. Что еще видел, другие картины?

– Ничего существенного, в основном юношеские мечтания.

– Ах, как ты толково врешь! Хотя и на этом спасибо. Кто еще знает о твоих видениях?

– Только папенька.

– Скажи ему... А, впрочем, он и без того молчит, как камень. Потребуешься – найду сам. Беги домой, да хранит тебя Господь!

И он широким размашистым русским крестом осенил польского католика.

Анастасия еще раз прислала свою девушку, и Бронислав,

наконец, отправился на чай. Анастасия встретила его на просторном крыльце, провела в малую столовую, где уже сидели и беседовали Ольга, Мария и Татьяна. Молодой человек поклонился, девушки привстали, приветствуя гостя, красивая и кокетливая Мария радушно улыбнулась:

– Бронислав, мы уже знакомы, так будьте проще, садитесь, теперь же подадут чай.

Анастасия села напротив гостя, спрашивала об учебе, о скорых экзаменах и тихонько о разговоре со старцем Григорием. Юноша столь же тихо отвечал ей через стол, и тихий этот, как бы полусекретный разговор, рассмешил сестер. Они встали, чтобы уходить, когда в залу вошла императрица в простом просторном платье, комнатных туфлях и с высокой прической. Бронислав вскочил и склонил голову:

– Мамочка, позволь тебе представить моего товарища Бронислава Лячека. Он с отцом прибыл из Варшавы, мы познакомились три месяца назад.

Александра Федоровна кивнула и попросила юношу сесть:

– Это о вас, точнее, с вами говорил старец Григорий Распутин?

– Да, Ваше Величество.

– Почему, скажите мне откровенно, вы не имеете желания сотрудничать, или как это лучше сказать, быть вместе со старцем? Поверьте, он очень многому мог бы вас научить.

– Конечно, Ваше Величество, но этому противится мой

отец.

Царица недовольно повела головкой:

– В интересах Империи и Государя ваш отец должен это сделать. – И уже совсем тихо, чтобы не слышали дети, добавила: – Старец находит в вас некую силу, которую наши враги могут использовать против России. Попробуйте внушить это своему папе.

Она встала:

– Дети, продолжайте прием гостя, я заберу Ольгу, она нужна мне для работы.

Когда царица вышла, Бронислав почувствовал, как он ослаб, ноги дрожали, чашка с чаем прыгала в его руке. Анастасия весело смеялась:

– Бони, успокойтесь, я же говорила, что мама знает о вас, потому нет ничего предосудительного, что вы у меня на чае.

Они еще несколько времени болтали о пустяках, пока Бронислав не услышал удары больших напольных часов: пора уходить. Анастасия проводила его до дверей, он осторожно наклонился к ее руке, но так и не посмел коснуться.

Вечером отец был очень взволнован, ходил по комнатам в своем длинном цветном халате и возмущался всем: и вмешательством в его работу каких-то людей из Иностранной коллегии, и уже второму визиту этого грязного развратника Распутина, который непременно требует отдать ему сына на воспитание, хотя пан Лячек искренне не может понять, чему способен научить юношу безграмотный и бескультур-

ный мужик, которого эти странные русские почитают почти за святого.

– Ты только подумай, дорогая Ядвига, сегодня он ворвался в мой кабинет, сбросил со стула пачку ценнейших бумаг времен Ивана Великого, и рухнул на него, едва не развалив. Ты знаешь, что он мне сказал? Ты никогда не догадаешься! Ему, якобы, известно, что я выкрещенный еврей уже в третьем поколении, и скрываю это, что он отнимет у нас сына, потому что в Брониславе есть некоторый талант, что вполне естественно, и тот талант зачем-то потребовался этому безумцу. Ты знаешь, он грозил отправить нас в Сибирь. Без сомнения, Распутин был нетрезв, но о Сибири он выразился достаточно уверенно. Меня это крайне волнует, Ядвига.

Жена пыталась его успокоить, что угрозы какого-то Распутина не могут иметь последствий для ученого, занимающегося изучением древних документов, а сына никто не может забрать без согласия отца и матери.

Но на другое утро в кабинет, где работал пан Лячек с помощниками, явился полицейский чин, вручил хозяину под расписку предписание Государя Императора в трехдневный срок отбыть в Тобольск для работы с документами, обнаруженными там в хранилищах Кремля.

– Но, Пресвятая Мария, тут еще столько дел, лишь самое начало! – заплакал пан Леопольд.

– Все будет опечатано и сдано на хранение, куда следует, это не ваша забота.

– Могу я узнать, чем вызвано столь срочное перемещение?

– Только не у меня, – важно сказал полицейский чин. – Я это предписание получил сегодня утром под строгим секретом. Трое суток, пан, я прослежу.

Бронислав был в смятении: уехать в Сибирь, так далеко от Анастасии, не иметь возможности видеть ее, слышать озорной и такой милый голос. Он вышел в парк, вошел в ту беседку, с которой и началось их знакомство, он был уверен, что она очень скоро придет сюда тоже. И она пришла, взволнованная, прямая:

– Бони, я все знаю от мамы, это старец внушил ей, что вы опасны, поскольку не желаете идти к нему в ученики. Мама настаивала, чтобы вас, в крайнем случае, отправили обратно в Варшаву, но старец был неумолим: подальше, в Сибирь! Вы же знаете, он оттуда родом, возможно, надеется там найти с вами общий язык. Бони, я буду писать вам письма.

– А я принес вам подарок, заказал давно, принесли на прошлой неделе, но все как-то стеснялся. Вот.

И он подал ей хрустальный флакон в форме пышного букета фиалок, внутри бутонов которых виднелась крохотная пробочка. Княжна заплакала:

– Бони, как вы узнали, что фиалки – любимые мои духи?

– Ваше Высочество, запах фиалок всегда окружает вас, даже в моих снах.

– Бони, мы еще столь юны, что не можем говорить о чув-

ствах. Но я верю, настанет время, когда мы скажем друг другу все. Напишите мне сразу по приезде. А флакон этот с моим поцелуем – (она прижала к губам хрустальные цветы) – храните как память обо мне. Уверяю вас, все будет хорошо.

– Княжна!

– Прекратите!

– Дорогая Княжна! Выслушайте меня и не думайте, что я сумасшедший. Мне дано это знание странным путем, и о нем стало известно Распутину. Скоро будет война, потом еще какие-то события, и потом ваш путь тоже лежит в Сибирь. Я не могу вам этого объяснить, но нас ждет большое горе. Знаю только, что увижу вас еще раз. Видимо, за это знание ваш старец и невзлюбил меня. Прощайте!

Он зарыдал и кинулся аллеей в сторону своего подъезда. Через два дня в мягком вагоне поезда под наблюдением молодого человека из полиции семья Лячеков отбыла на восток.

2

Тимоха Кузин после смерти отца, церковного старосты и уважаемого человека в селе, был принят обществом как хозяин, и мать его, крутая и властная женщина, терпеливо сносила все выходки сына.

– Ты пошто иконы не отдал комсомольцам, когда они приходили с религией бороться? – ворчала она. – Слышно, в самой Самаре с храмов кресты сбрасывают и иконы жгут прямо на паперти, а ты все поперек.

Тимохе шестнадцать лет всего, ростом не велик, грамоте обучен не особо важно, зиму в ликбез проходил, «рабы не мы, мы не рабы», плюнул, но расписаться мог. Зато отцовскую библию и другие книги читал еще по родительскому наущению, как-то стал просматривать Откровения и испугался: вот он, конец света, все сходится! В уезде, сказывают, демонстрация вольных женщин проходила на днях, впереди всех совершенно голая шла с плакатом «Бога нет, и стыд долой!».

– Иконы трогать не позволю, – ответил он матери. – И в колхоз ихний вступать не буду.

– Заберут все, злыдень!

– Мое все со мной останется, – ответил Тимоха.

Трое местных активистов пришли раненько, чуть свет, не стесняясь, прошли в передний угол, старший вынул

из кармана дождевика тетрадку:

– В колхоз, стало быть, не подаешь? А сколько сеять будешь?

– Сколь Бог даст.

Трое засмеялись:

– Он даст!

– Открывай шире рот, чтобы не промазать.

– Двойным налогом будешь обложен, как единоличник.

Это первое. Второе. Мельницу и кузницу мы у тебя реквизируем в пользу колхоза, нечего на народном несчастье рожу наедать.

«Про несчастье ты правильно сказал, хоть и другое имел в виду, а насчет рожки ошибся, кроме добрых слов от людей мало чего нажил батюшка мой», – подумал Тимоха.

Отец Павел Матвеич мастеровой был, углядит где какую новинку, смотришь, а он уж дома такое сообразил, и Тимка тут же, рядом, присматривается, перенимает. Кузницу давно поставили, и по хозяйству что сделать, и для соседей, лемеха к плугам ковать наловчился, зубья боронные, в журнале высмотрел рыхлитель земли, соорудил такой же под парную упряжку. Мельницу сделал от ручного привода, зато жернова из Самары привез, тонко мололи, хлеб славный получался. С самой осени ни дня мельница не стояла, все кто-нибудь с мешком-двумя приедет: «Матвеич, смелем?». «Отчего не смелешь, если крутить будешь?». За услугу с мешка котелочек зерна, так, для вида, названье одно, а не плата. Мать

ворчала, а он посмеивался: «У нас своей пшенички полные амбары, эту пойдя да курам вытряхни».

Ближе к обеду подъехали на подводе колхозники, по наряду, в глаза не глядят:

– Тимофей, откуль тут начинать, чтобы не нарушить?

– А с любого краю, все едино ничего у вас работать не будет.

– Что уж ты так?

– Потому что правда. Увезете и сложите костром, все так и сгинет. Колхоз, он и есть колхоз.

Отсеялся Кузин вовремя, пашню заборонил, в ночь хороший дождь прошел. Как только застучали капли по оконным стеклам, встал Тимофей перед иконой Николы Угодника и молился до самого рассвета. Почитал этого святого больше других, потому что в раннем детстве явился Никола Тимке и его дружку Ваське, они за гумнами овечек пасли. Зима была суровая, все корма кончились, вот и отправили их отцы на вытаявших бугорках посторожить овечек, может, хоть прошлогодней травкой попользуются. Овцы пасутся, а ребятишки на солнышке греются, и смотрят – мужчина идет со стороны оврагов, там и дорог-то никогда не было, да и не пройти, такие потоки талой воды несутся. А мужчина в фуфайке, на ногах ничего нет, и голова не покрыта. Проходит рядом, молчит, только один раз в их сторону посмотрел. Не по себе стало ребятишкам, собрали они овец и домой. Отец ворчит: «Какой мужчина вам показался? Кто в такую

пору будет по степи бродить? Скажи лучше, что надоело, вот и пригнали овец».

А Тимошке страшно, он в дом вошел, козушок скинул, а взгляд чужой чувствует, поднял глаза: «Господи, вот же кто был, Никола Угодник был на гумнах». Мать выскочила на крик и перенесла на лавку обмякшее тельце сына. Отец уже спокойнее с ним говорил: «Босиком по снегу шел? И без шапки? А как же ты по иконе узнал? Лысый? И взгляд? Ты с ним глазами встретился? Господь тебя благослови! Лежи, отдохни маленько».

Утром пришел колхозный нарядчик:

– Велено обоим с матерью да пару лошадей с боронами на сев.

– А мы отсеялись еще вчера, – с вызовом ответил Тимофей.

– Ты Ваньку-то не валяй, я про колхозный сев говорю. Там еще начать да кончить осталось.

– Скажи своему истукану, что мы не колхозники и на работу нас наряжать не надо.

– Какому истукану, ты чего мелешь?

– Истукан – это идол был у язычников до прихода Христа, ему поклонялись. В колхозе теперь свой истукан, но я крещеный православный христианин, и в другую веру не обращаюсь.

– Ну, Тимка, не миновать тебе ГПУ, если слова твои передам, благодари бога своего, что я ничего не понял, скажу

только, что ты отказался.

Все лето чуть не каждый день навевывался Тимофей на свое поле. Пшеница взошла ровная и чистая, и раскустилась богато, и трубку выбросила. А когда колос стал наливаться, вовсе весело на душе стало: быть доброму урожаю!

В августе начали жать, мать вязала снопы, Тимофей составлял в суслоны, на гумно везти не торопился, потому что погода стояла сухая, зерно дозревало в колосе. Намолотили столько, сколь и при отце не бывало, глухой ночью Тимофей перевез десяток мешков домой, да не в амбар, а под крышу избышки на ограде, осторожно доски с фронтона снял, мешки поднял, старой соломой надежно укрыл и доски на место. Днем все зерно на гумнах в мешки ссыпал, одну подводу к колхозному амбару подвез. Председатель, присланный из Самары партийный счетовод овощной конторы, сосчитал мешки и усмехнулся:

– Не густо ты, Кузин, отгрузил родному колхозу.

– Сколько положено по квитанции, столько и привез. – Хотел добавить насчет родного колхоза, но воздержался.

Председатель открыл тетрадку, нашел нужную строку:

– Три десятины пшеницы, рожь, овес, просо. Так. С трех десятин ты не меньше трех сотен пудов намолотил, да поболе, у тебя хлеб хороший стоял. А сдаешь – десять мешков? Нет, не любишь ты советскую власть!

– Да ведь и она меня не очень любит, гражданин председатель. Сказано товарищем Сталиным, что всякий человек

волен жить так, как он хочет, а вы у меня мельницу разворотили, кузню сломали. Где они сейчас? У конюшни свалены в кучу.

Председатель поискал глазами кого-то, но не нашел, велел взвешивать и высыпать зерно.

– А про любовь мы с тобой еще поговорим. Ты у меня как чирей на заднице, все люди как люди, а он единоличник! Ты мне всю отчетность портишь, Кузин, и я тебе обещаю, что ты или в колхоз вступишь, или из села долой.

– Нет такого права! – Тимофей взорвался негодованием. – Нету! Продналог доведен государством – я его выполнил, и делу конец!

Председатель тоже закипел:

– Я буду определять, выполнил ты или нет, понял? Вот жду подмогу, должен подъехать уполномоченный, это специально для таких, как ты, создан партией орган, вот он и выдаст тебе квитанцию, чтобы ты от государства ни зернышка не закурковал!

Уполномоченный приехал вечером на паре вороных лошадей, с человеком в форме и при кобуре. Среди колхозников тоже оказались несознательные, которые помимо колхозной работы подсевали свои полюшки, они тоже облагались, как единоличники, но платить не хотели. С ними разобрались быстро, Тимофея уполномоченный посадил прямо пред собой, рядом бросил полевую сумку и кобуру:

– Почему вы, молодой человек, не хотите жить, как все

советские люди, в колхоз не вступаете, от комсомола отказались, иконы, говорят, до сих пор в доме храните. Это правда?

– Да, гражданин начальник, все как есть.

– Вы меня правильно поймите, Тимофей Павлович, человек вы молодой, даже можно сказать – юный, а ведете себя как отчаянный контрреволюционер. Кстати, вы знаете, кто такой уполномоченный НКВД? Вот мы сейчас сидим с вами и мило ведем беседу. Я нахожу, что человек вы начитанный, хотя официального образования не имеете, с вашим знанием народа здешнего вы могли бы стать крупным политическим работником.

Тимофей мял в руках кепку.

– Я говорю с вами, как с равным, потому, что вы отличаетесь от всей этой серой массы. Но я могу сейчас же лишить вас жизни. Вот такая нынче острая политика.

– Я не интересуюсь политикой, тем более такой политической, которая напрочь отрицает Христа, а я верующий человек, и таким останусь.

Уполномоченный очень удивился:

– Это кто же вам сказал, что мы отрицаем Иисуса нашего Христа? Это провокационная глупость неграмотного сектанта. Вы-то знаете десять заповедей, так я вам признаюсь, что коммунисты считают эту его установку чуть ли не своей программой в области морали. Да! Мы боремся с церковниками, которые извратили учение Христа и великую философию сделали догмой. Важна мораль, к которой призывал

Иисус, а не завывания хора из десятка старух, чад от паникадила и просфорки в конце службы, а то еще и вино как кровь Христова. Согласитесь, что это чушь.

– Никогда не соглашусь, потому что причастие, которое вы высмеиваете, сам Господь совершил первым и нам заповедал. Как от этого можно отказаться?

– Я вам отвечу. Со временем. Не сразу, но можно. Вам, наверняка приходилось наблюдать, как младенца отлучают от груди. Время подошло, а он еще не понимает. Нужны дополнительные усилия, чтобы вызвать у младенца отвращение к тому, что вчера еще он считал самым важным. Теперь к делу. Мне рассказали о вашей мельнице, маслобойке и прочих изобретениях. Не стану вникать в детали, наверняка там не все совершенно, но сама способность мыслить уже заслуживает внимания. Продналог ваш оставим в покое, хотя у меня есть сведения, что вы сумели-таки припрятать от советской власти энное количество пудов. Ну-ну! Об этом никто не узнает, только мне интересно, за что вы не любите советскую власть? Ведь вы же ее совсем не знаете! Только за ее отрицание церкви?

Тимофей осмелел настолько, что уже не контролировал своих слов:

– За уничтожение крестьянина тоже не могу уважать. Как же можно согнать всех в одну артель и заставить работать не для будущего хлеба, а для крыжика в тетрадке у бригадира? Раньше тоже артельно работали, например, до-

ма строили или другой подряд, но тогда люди собирались сами, по интересу, а не абы как. Если ты, к примеру, лодырь, кто тебя в артель возьмет? А в колхозе всем можно, и труженик, и лодырь – всем одна отметка в тетради. Думаете, после этого хлеб вырастет? Да ни в жисть! Уж коли вы про мои запасы знаете, до конца скажу, за все разом отвечать. Колхоз намолотил нынче едва ли по сорок пудов с десятины, а у меня чуть не сто обернулось. Отчего? Оттого, что свое, я жил в поле, а не по наряду ездил.

Уполномоченный внимательно осмотрел Тимофея: ростом мал, но кряжист, крепок, ум цепкий, прямота даже опасная. Надо прибрать его к рукам, такие ребята могут горы свернуть!

– Давайте так: управляйтесь с хозяйством и приезжайте в Самару после революционных праздников. Мы с вами спланируем всю дальнейшую жизнь. Согласны?

Тимофей промолчал.

– Ну, что ж, на первый раз и этого достаточно.

С матерью своею, которая уже успела смириться с судьбой и была готова жить, да и жила по новым законам власти, Тимофей своими думами не делился. Он запряг в легонький ходок резвую лошадку, которую еще отец Павел Матвеевич назвал Певуньей и поехал к священнику Тихону, последнему оставшемуся в округе протоиерею, хорошему товарищу отца. Священник был в храме один, он вышел из алтаря настороженно, но, увидев знакомого, улыбнулся:

– Милости прошу в храм, сын мой, а я уж боялся, что одному придется служить последний молебен.

Тимофей встал на колени:

– Благослови, батюшка!

– Господь тебя благословил! Восстань, Тимофей, и начнем молиться, ибо к вечеру велено мне покинуть храм.

– И куда же вы?

– Об этом потом. «Миром Господу помолимся!» – воспел протоиерей и заплакал.

Тимофей несмело продолжил службу, и благодарный священник только через минуту смог присоединить свой голос. Так они вдвоем читали тексты Евангелья и пели псалмы и тропари. Окончив службу, наверное, самую краткую за всю трехвековую историю храма, они благословили друг друга, обошли все иконы, намоленные многими поколениями православных, каждой поклонились и к каждой приложились. Встав в алтарных дверях и не посмевающий войти в святая святых, Тимофей заметил, что нескольких икон нет на привычных местах.

– Я собрал самые старые иконы и в промасленной тряпиче предал земле. Место я зарисовал, все думал, кому довериться, да вот тебя Господь послал. А теперь воспоем «вечную память» всем, кто молился в этом храме, и покинем его до прихода Антихристовых слуг. Я не смогу видеть, как они будут... – голос его задрожал, он заплакал и вышел на паперть, трижды встав на колени и опустив голову до затоптан-

ных и давно не мытых плах церковного пола.

Во дворе дома священника они сели под навесом в плетеные ивовые кресла. Отец Тихон успокоился, но говорил только о храме:

– Иоан Четвертый после Казани повелел заложить этот храм Воздвиженья Креста Господня, тысячи народов молились здесь, и своих, и проезжающих в восточные сибирские края, кто по интересу, а кто и не по своей воле, но нога врага не ступала тут. И что же? Приходят вроде русские люди, крещеные, православные, заявляют, что Бога нет, потому церковь должна быть ликвидирована. Собрали всю позолоту и серебряную утварь, ну, да Бог бы с ней, пусть, коли нужна она голодающим людям. Но служить-то отчего нельзя? Нет, нельзя, сейчас вера будет другая. Мне показывали портрет их нового бога, так это же сатана, воистину сатана! Троцкий фамилия, но, слышал, что он из евреев, Бронштейн. Если так, то они православие вырвут с корнем, они давно к нему тянулись, но Государь охранял церковь Христову. Так они сначала Государя убрали, а теперь до веры дорвались. Попов, говорит, будем вешать, – сказал он безразлично. – Видно, все на круги своя, и нам предстоит пройти путь мучений Господних.

– А дочки ваши как же?

– Отправил в Самару, к сестре своей Апросинье, она скромно живет, возможно, не тронут. А тебя ко мне что гонит?

Тимофей рассказал о встрече с большим начальником и о его предложении ехать учиться, предположил, что единолично жить ему не дадут, а в колхоз идти противно его духу.

– Мать-то проживет без тебя?

– Там еще сестра, проживут, они и в колхоз готовы, да и хлеба я приберег малость.

– Тогда надо тебе уходить как можно дальше. Сначала учебой заманят, потом властью искушение сделают, богатством. Можешь не устоять и продашь душу свою, прости меня, Господи!

Совсем опечалился Тимофей, но он шел за советом и получил его.

– Куда же податься, отец Тихон?

– В Сибирь надо идти, там места глухие, да и народ другой, возможно, судьба повернется. Я все время от староверов вести имел, Епархия мои сношения с раскольниками не одобряла, но мне любы были их убеждения и твердость достойная, потому я списывался и многое знал. До последнего времени большими общинами в таежных краях жили, властям неведомые. Вот к ним бы тебе пристать!

– Как можно, отец Тихон, ведь ересь учение их!

– Глупо сказано, а ты повторил. Учение их чисто Христово, это мы отступники, убоялись всеобщего бдения, разом служим и вечернюю, и заутреннюю службу, за животом идем, а не за верой. Ну, довольно, теперь и об этом говорить уже поздно. В Сибирь, сын мой, там спасение.

– А вы?

– А за мной вот уже и легионеры!

На телеге подъехали трое милиционеров.

– Гражданин Анохин? А вы кто? У нас ордер только на одного.

– Это случайный прохожий, зашел водицы испить.

– Небось, святой, – хохотнул рябой конвоир.

– А ныне в России всякая вода святая, – негромко произнес отец Тихон. – Прощай, сын мой Тимофей. Да, виденье то, что при батюшке Павле Матвеевиче поведал, храни в сердце своем, оно тебя еще и спасет и призовет.

– Э-э-э, да парень этот тоже, видать, не простой, может, и его прихватим?

– Сказано же тебе, что ордер на одного, вот одного и вези. А ты готов всю деревню разом пересажать, – лениво ответил старший.

– Всех их надо к ногтю, всех, одна это шайка-лейка, – брызгал слюной рябой.

Тимофей подошел к священнику. Он уже разоблачился, ряса и крест лежали в телеге, на отце Тихоне была простая фуфайка.

– Благословите, Отче!

– Господь с тобой!

Телега загрохотала по замерзающей уже земле.

Дома он собрал мешок с пожитками и двумя булками уже подсушенного хлеба, помолился перед иконой Николая Чу-

дотворца, матери сказал:

– У властей я бумагу взял, что в город подался, а где окажусь – сам не знаю. Писать буду редко. Тятину могилку не забывайте.

– А мы как же? – всхлипнула сестра.

– Пишитесь в колхоз, так и скажите, что брат бросил, жить чем-то надо. Вас примут, весь инвентарь в исправности, пара лошадей, примут. Худо-бедно – прокормитесь, а там видно будет.

Поклонившись матери в пояс, он еще до рассвета подался в сторону станции, в «телятнике» больше молчал, прислушивался, из всех мужиков выделил двух бородачей, видно, братьев, держались они степенно и с достоинством, в мешках острый Тимкин глаз заметил плотницкий инструмент.

– Отцы честные, не подскажите ли, где сыскать мне работу, чтобы по силам и семью прокормить. Мать у меня осталась в деревне.

– А ты отчего из деревни махнул?

Тимофей наклонился к ним поближе:

– В колхоз не хочу, вера не позволяет. А единолично жить не дают.

– Ты каких краев? – поинтересовался старший.

– Самарский.

– А что робить можешь? – младший спросил.

– По хозяйству все могу, а настоящему делу не обучен, отец рано помер.

– Топор из рук не выпадают?

– Нет! С топором мы в товарищах.

– Вот что, – подытожил старший. – Меня зовут Трифоном, а его Агафоном, мы из-за Москвы, едем по вызову в Екатеринбург, Свердловск по-нынешнему, рубить больницу в районе. Могу взять, но условия у меня суровые: ни мата, ни водки, работа от темна до темна, потому что больница большая, а сдать надо к осени. Оплатой не обижу, включу в договор, если документы в порядке.

Тимофей кивнул.

– Тогда спи пока, я перед станцией подниму.

Тимофей свернулся калачиком под нарами и уснул. Ему снилась длинная и чистая дорога в березовом лесу, он шел по ней с незнакомым мужчиной и говорил о светлом. Солнце в верхушках берез разбивалось вдребезги и осыпало их звездами своих осколков. Сбоку на дорогу вышел мужчина в фуфайке, с непокрытой лысой головой и босой. Тимка остановился: «Это Никола Угодник, я хочу ему поклониться». Он упал на колени и трижды прочитал «Отче наш». Когда поднял голову, никого рядом не было, а дорога впереди виделась ухабистой и размытой дождями.

– Топор ты держишь правильно, а удара настоящего нет. Погляди, тебе следует чашку угловую вырубить, это с четверть надо выбрать. Я ударяю по три раза с каждой стороны, ты долбишь, как дятел, слушать тошно, не то, что глядеть. – Трифон не ворчал, не ругался, он учил. – Ты в кузнице бы-

вал?

– Конечно!

– Видал, как кузнецы работают: у них на каждый удар расчет, потому что попусту махать молотом накладно, к вечеру падешь, а сделанного нету. И у нас так. Силу в топор вкладывай, когда опускать начал, пока он летит, пусть рука отдохнет. Понял?

Тимофей легко осваивал новую работу, Трифон с Агафоном его хвалили, но он сильно уставал, и, когда работа заканчивалась (Трифон кричал: «Точи топоры к завтрашнему дню!»), Тимофей уходил в старый больничный пристрой, где обитала бригада, мылся холодной водой из бочки, наскоро ужинал и молился. За упокой души отца своего раба Божьего Павла, за здоровье матери и сестры и всех родственников, просил Николая Угодника дать ему сил отработать этот подряд. Засыпал сразу, но и вставал, как только поднимались старшие.

Когда стали ставить сруб на мох, пригласили сельских девчонок мох раскладывать по пазам. Одна шустренькая, Нюркой зовут подружки, все к Тимке жметя, где он, там и она с охапкой мха. Вечером Агафон шепнул ему:

– Ты чего это от девки бежишь? Гляди, вон она, в роще, тебя поджидает. Иди, я Трифону не проболтаюсь.

– Нет, дядя Агафон, не пойду. Жениться мне еще нельзя, ни дома, ни хозяйства, а просто так – грех это, блуд.

– А я бы сблудил, – вздохнул Агафон, – да брательник

тоже больно правильный, он и бабе жаловаться не будет, сам всыплет.

– Верующий брат-то?

– Староверы мы, двоедане, ну, это по-старому, теперь уж отходит эта мода, а брат чуть что – в рыло. Я-то не особо верующий, а этот – того и гляди, крылышки вырастут.

– Не богохульствуй, дядя Агафон, грех это.

Агафон махнул рукой:

– У вас с братом все грех, а я как гляну на девчонок, когда у них подолы ветром приподнимет, в глазах темно. Твоя-то рыженькая вся в соку, наклонится за мохом, груди того и гляди из кофточки выпадут, а сзади и смотреть больно.

– Все, дядя Агафон, сил нет ваши искушения слушать. Тот уж грешник, кто согрешил в сердце своем. А вы совсем погрязли в грязных мыслях.

Агафон вздохнул и собрался уходить, только Тимофей заметил, что тот не в пристройку направился, а к лесочку, где между берез прогуливалась Нюрка. Он и сам видел, что ладная девка, что к нему льнет, и охота было схватить ее в охапку, обнять и потискать, только боязнь греха держала его. Он прилег в своем закутке и сразу уснул, даже сон видел, что лежит дома на теплой печке, а мать подтыкает одеяло под бок, чтобы не поддувало. Очнулся, потому что кто-то рот ему перекрыл, сперва ничего не понял, а вырвавшись из объятий, Нюрку узнал, обняла она его крепко и целовала тоже крепко, и совсем голенькая была:

– Тима, чего ты меня сторонишься? Я ведь не пройда какая, я честная, полюбился ты мне, а дядя Агафон научил.

Тимофей уже ничего не понимал. Они были счастливо молоды и неопытны.

Лето приближалось к сентябрю, на стройке все чаще появлялся заведующий больницей Василий Алексеевич. Трифон доложил начальнику:

– Завтра к обеду будем первую матицу подымать да укладывать, надо бы на кухню пирог рыбный заказать, такой обычный.

Заведующий кивнул:

– Закажем, и про обычай знаю, сам приду и спирта по этому случаю выпишу.

Трифон возразил:

– Спирта не надо, больным его оставьте, мы люди непьющие.

– Совсем, что ли? – удивился Василий Алексеевич.

– Навовсе. Вера не позволяет.

– Так вы не христиане разве?

– Самые что ни на есть настоящие православные, только старой веры, – сурово ответил Трифон и стал работать топором.

Толстое бревно, аккуратно обтесанное под квадрат, было готово к подъему. С торцевой стороны здания положили поката, ровные длинные слегы, пропустили под матку три прочных веревки, с краев и посередине, одни концы закрепи-

ли наверху, за другие приготовились тянуть. По такому случаю пригласили больничных рабочих – одним тут не справиться. По команде Трифона трое наверху потянули веревки и трое внизу помогали им, дружно упираясь в матку крепкими жердями. Тяжелая матка со скрипом продвигалась по лагам, Трифон монотонно давал отчеты:

– Три, четыре – пошла, перехватились, три, четыре – пошла.

Когда матку водрузили в подготовленное место, Тимку направили по ней привязать посередине пирог, завернутый в чистый бабий платок. С другой стороны к Тимке вышел Трифон с топором, внизу уже проинструктированный стоял Василий Алексеевич.

– Готов, Лексеич? – и Трифон ударил по веревочкам, пирог камнем полетел прямо в руки заведующего. Раздался гул одобрения, народу собралось много, все-таки событие, да и про спирт слух прошел. Пирог разрезали, каждому досталось по кусочку. Трифон первым вытер губы и поднялся:

– С великой нас всех работой, благодарность и за помощь, и за соблюдение обычая русского. А теперича пошли паужинать.

После сдачи больничного корпуса заведующий выдал работникам полный расчет и еще по рабочему костюму, сапогам и фуфайке. Тимофей таких денег вовек не держал в руках. Трифон научил:

– Попроси Нюру, пусть мешочек сошьет и к рубашке тебе

под мышки приторочит, иначе улизнут твои денежки.

Вечером Василий Алексеевич пригласил всех на ужин в больничной кухне, пообещал, что спиртного не будет. Благодарил за работу и предлагал остаться:

– На первое время работу вам найду, пока лес подвезут, а потом опять будем новый корпус делать. Соглашайтесь, расценка хорошая, добьюсь в райфо, чтобы разрешили премиальные в договор включить? А? Соглашайтесь, мужики.

За всех ответил Трифон:

– Спасибо тебе на добром слове, Лексеевич, хороший ты человек, только оставаться нам никак нельзя, семьи у нас дома, детки. Вот Тимофей вполне может остаться, он человек свободный. Его пристройте, а весной, Бог даст, мы подведем, если все сложится.

– Тогда и я тоже до весны, дядя Трифон, дома мать с сестрой, пишут, что неладно в колхозишке-то.

Заведующий пообещал завтра подводу дать до станции, Агафон с Трифоном пошли спать, к Тимошке пришла Анна.

– Ну, и что ты плачешь, дуреха? Как же я домой-то не поеду, подумай сама. А тебя пока взять не смогу, потому сам не определен, как жить стану – неизвестно.

– Бросишь меня, ни девка, ни баба, ни мужняя жена. Я тятя сказала, будто замуж меня возьмешь, а то он убил бы, что хожу к тебе ночами.

Тимофею жалко было оставлять Нюрку, свылся он с ней, да и девка она хорошая, добрая.

– Грех мы с тобой сделали, Нюра, Бог не простит. Не венчаны в постелю упали, как муж с женой.

– И что из того? – грозно спросила Нюрка.

– А то, что грех, молиться надо.

– Ишь, как ты заговорил! Чтой-то я не помню, чтоб ты молился, когда за груди меня ухватил и лобызал, как теленок. Аль забыл? И почему твой Бог тогда тебя дрючком не дернул, чтобы ты охолонул?

– Дьявол, Анна, по пятам ходит, все норовит в грех ввести. Человек слаб.

– Да вы еще пополам с дьяволом со мной игры под одеялом устраивали? Ну, Тима, не думала я, что ты такой злой да хитрющий, и хорошо, что не позвал к себе в деревню, а то всю жизнь каялась бы, что с недобрим человеком связалась.

Тимофей понял, что лишнего наговорил. Он уже молился за свой грех, вот только на исповедь сходить некуда, до ближайшей церкви день езды. «Сатана подsunул мне Нюрку, и не устоял. Слаба вера, вот и впал во искушение. За зиму отмолю», – успокаивал он себя после первой ночи, но потом Нюра приходила снова, и Тимофей забывал о своем раскаянии.

3

Возвращался Арсений с лесозаготовок сильно физически окрепший и возмужавший, тайга его не вымотала, потому что все-таки не за комель бревно брал, а за вершинку, она полегче, – так шутили в тайге... Он был хорошо одет, в кармане шерстяного пиджака лежали заработанные деньги. Купил билет до Ишима, больше некуда ехать, кроме Лидочки Чернухиной, чьим братом все это время просуществовал, пока чекисты отлавливали всех, кто хоть какое-то отношение имел к старому режиму.

О расправе над царской семьей узнал от приехавшего из Екатеринбурга инженера Игумнова, тот не первый раз бывал на производстве и приметил толкового паренька из рабочих.

– Сообщили, что расстреляли только Николая Александровича, но это чушь, убили всех.

– Как же всех!?! За что? Стану за что? Алешу? Неправда! Это подлая фальшивка, брошенная в народ, это ложь, потому что эта власть может только лгать, лгать...

Он задохнулся и рухнул ничком, ударившись лицом о землю. Инженер напугался и неожиданных выкриков вдруг разгорячившегося молодого человека, и внезапного обморока. Игумнов крикнул людей, Арсения унесли в лазарет, трое суток он был без сознания, спокойный доктор назвал это шо-

ком и сказал, что лечить нечем, само должно пройти, организм молодой.

– А причина в чем? – спросил он Игумнова.

Инженер соврал, что молодая жена у парня при родах померла.

Через неделю Чернухина отправили на работу, потому что встала шпалорезка, и никто, кроме него, не мог разобраться. Арсений нашел причину поломки, сказал слесарям, что надо разбирать и прилег на прохладных ровных шпалах.

Слесари, присланные из вагонного депо, привычно копались в машине и переговаривались. Арсений дремал, но слово «царевна» подняло его.

– Вот кум и говорит, что младшенькая царевна, не знаю имя, сбежала.

– Да ну, враки это, куда там сбежишь, когда кругом солдаты?

– Ну, не знаю, за что купил, за то и продаю. Только кум сказал еще, что по всему городу тревога, и поезда обыскивают. Значит, было дело, не без того...

Арсений с трудом удержался от вопросов, он и без того верил, что Стана, проворная и решительная, действительно могла обмануть охрану и скрыться. Почерневшая от горя его душа снова освятилась любимым образом, и жизнь обрела смысл, и до встречи с Анастасией, казалось, остались только мгновения, так долго он ее ждал.

В станционном ресторане за соседним столиком заметил

мужчину, и странное дело: само лицо никого не напоминало, а вот профиль... профиль Арсений узнал, он принадлежал офицеру охраны Его Императорского Величества, именно тому офицеру по фамилии Урманский, который неоднократно перекрывал ему доступ в апартаменты Их Высочеств, когда он приходил по приглашению Княжны, а девушка из покоев еще не успевала выйти для встречи. Взволнованный Арсений не знал, что делать: подходить небезопасно, неизвестно, кем сегодня состоит при власти этот по-деловому одетый и чисто выбритый гражданин; с другой стороны, если и признает, что мало вероятно, едва ли заговорит всерьез. Наконец, Арсений решился и сел напротив Урманского:

– Простите, милостивый государь, чтобы не вызывать ваших сомнений, напомню о себе сразу: в четырнадцатом году вы неоднократно преграждали путь во внутренние покои одного из важных зданий под Петербургом молодому человеку, почти мальчику. Это был я. Тогда фамилия моя была Лячек, отец привез нашу семью из Варшавы. А потом спасала меня от вашей бдительности прислуга молодой особы по имени Анастасия.

Урманский побледнел, но быстро взял себя в руки:

– Всего, что вы тут наговорили, достаточно, чтобы поставить нас обоих к ближайшей стенке. Прошло столько лет, как вы меня узнали? И кто вы сегодня, если не Лячек?

– Моя новая фамилия нужна была, чтобы спастись, но не это главное. Умоляю, хоть что-нибудь сверх того, что

писали газеты о гибели фамилии. Хотя что-нибудь!

– Черт побери, как вы меня признали? Я же изменил лицо!

– Но остался профиль, который почему-то запомнился мне больше. Не беспокойтесь, я не стану вас тревожить и не буду больше спрашивать, если вы скажете мне хоть что-нибудь.

– Ищите за городом место «Ганина яма», их тела, прости Господи! сбросили в шахту. Это все. И будьте осторожны, там могут быть агенты. А теперь прощайте. Хотя нет, где вас можно найти при случае?

– Не могу точно сказать, еду в Ишим, но сколько там буду – неведомо, надо искать подходящее место.

– В первое воскресенье июня, в полдень, можете быть здесь, в открытой пивнушке за вокзалом? Это крайне важно.

– Буду.

– Прощайте. До встречи.

Арсений вышел из вокзала, прошел площадь, около часа пешком шагал в случайно выбранном направлении, наконец, остановил бойкого мужичка на доброй лошадке:

– Отец, сколько возьмешь до «Ганиной ямы»?

Мужик утратил веселость, подстраховался:

– «Четыре братца»? Туда без особой нужды не ездят. Вам какая потребность?

– Служебная. По тайному сыску я. Документ предъявить?

– Да мы что, не люди, что ли, и без того видать, что по делу человек, а не просто из любопытства.

– Что же любопытного в тех местах? И почему мне назвали «Ганиной ямой», а вы о «братцах»?

– Да как вам сказать? Когда-то четыре больших сосны там росли, вот и братья. А еще говорят, царя с семьей там в шахту спустили в восемнадцатом, да кто знает?

– Значит, довезешь?

Сухая погода спасла дорогу от канав и колдобин, ехали молча, Арсений прилег на раскинутый войлок, подложив котомку под голову. Ни о чем не думалось, точнее, он боялся думать. Это первая встреча с нею неживою. Он вспоминал ее лицо за чайным столом, в летней аллее, в тамбуре вагона и в окне губернаторского дома в Тобольске. Картины менялись, она улыбалась, грозила пальчиком, печально махала ручкой. Появилась просторная поляна в сосновом лесу, грязная, запущенная, с таинственной ямой посередине, контуры часовни возникли и исчезли, а потом Стана оказалась совсем рядом, и «Меня здесь не ищи» – странная фраза возникла в сознании. Арсений сел. Солнце стояло в зените.

– Еще не скоро? – спросил возницу.

– Да почти что....

Мужик остановился прямо посреди дороги.

– Отсюда пожалуйста пешком, нежелательно мне там появляться, вмиг попадешь в списки.

Арсений подал ему деньги:

– Подождите часа два. Если не будет меня, уезжайте. Но подождите. За обратный путь плачу вдвое.

Он пошел указанной тропинкой. Поляна открылась неожиданно быстро, людей не было, хотя трава примята изрядно. Заметил несколько огарков свечей. Грубыми сосновыми жердями на необтесанных столбах огорожено жерло колодца или шахты. Арсений подошел ближе и положил голову на пахнущее смолой дерево изгороди. Кладбищенская тишина. Одинокий комар прозвенел над ухом и скрылся. «Меня здесь не ищи!» – что это: ее указание или фантазия воспаленного мозга? Если не здесь, то где же?

«Стана, милая девочка, дай знать, если ты тут, я навсегда останусь рядом. Дай знать».

Он обошел изгородь по кругу и остановился перед неожиданной россыпью лесных фиалок, ноги подкосились, он почти без памяти встал на колени перед любимыми цветами Княжны. Опустившись лицом в траву, он несколько минут молча прислушивался к себе – нет, ничего не шепнула ему Анастасия. Стоя на коленях, вытер платком лицо и вздрогнул: фиалок не было! Осторожно осмотрелся – ни одного цветка. «Я должен был сорвать хотя бы одну былинку, или это было видение? Если так, то действительно она дает знать, что тут ее нет. Жива?».

Арсений встал, поправил одежду и поклонился огороженному месту. Странно, но у него так и не возникло чувства, что он кланяется праху дорогих ему людей. Стараясь не думать об этом, он пошел в сторону ожидавшей его подводы.

– Остановись, сынок! – услышал он слабый женский го-

лос. – Прости меня, я все время за тобой наблюдаю, так и промолчала бы, да что-то тебя мучает.

Арсений только теперь заметил маленькую сухонькую женщину, одетую монашкой, довольно старую.

– Не грешно ли созерцать чужие страсти? – спросил он.

– Нет, сын мой, если бескорыстно. Я тут рядом живу в землянке, молюсь за безвинно убиенных царя, царицу и детушек их.

– Вы их знали?

– Конечно! Но не видела никогда, слышала только, что младшенькая царевна, Настасья, Божественным промыслом спасена была и теперь жива.

Арсений поднялся над чахлыми сосновыми порослями, над зловещей ямой, ему виделся Царскосельский парк и маленькая девочка в простенькой шубке, бросающая в него снежки. «Господи, ты услышал меня, прости, я много раз был несправедлив, обвиняя тебя в бессердечности. Прости меня, за Анастасию я всю жизнь буду молиться и бояться тебя». Он с трудом пришел в себя, счастливый и плачущий, подхватил монашку на руки, рыдал и смеялся, еще ничего до конца не понимая:

– Где она сейчас? Почему вы знаете, что она спаслась? Как найти?

– Опустим меня на грешную землю, – попросила старушка. – Негоже монашке в мои лета мужские руки ощущать. А слух такой, что жива она осталась волей Божией и спаса-

ется в монастыре.

– Где, в каком?

– А кто ты будешь, мил человек, чтобы все тебе выложить? Может, ты из органов да по ее душу?

– Бог с вами, матушка, я знал ее девочкой в четырнадцатом году, потом мы расстались и виделись только на мгновение в восемнадцатом в Тобольске и в Тюмени.

– Перекрестись!

– Нет, матушка, креститься пока не стану, с Господом у нас особые отношения, но честью своей клянусь, что говорю правду.

– Поверю. Поезжай в Долматовский монастырь, его тоже разогнали, но несколько монашек спасаются, спросишь среди них матушку Евлоху, должно быть, жива еще. Она знает. А теперь ступай.

Ишим показался ему нищим и грязным, он прошел от вокзала узкой и разбитой улицей к дому Лидочки Чернухиной, сестры и жены. Она так испугалась его появления, что даже слова вымолвить не смогла. Девочка лет пяти сидела в углу комнаты и играла тряпичными куклами. Он поднял ее на руки:

– Как зовут тебя, дочь моя? Знаю, что дочка у меня есть, а имени не знаю. Ну, как же имя твое?

– Анастасия.

Арсений пошатнулся, дыхание смешалось, сердце стучалось наружу в самом горлышке. Он нащупал табуретку и тя-

жело сел. Лида испугалась:

– Что, Арсюша, не нравится имя тебе? Так сам же сказал.

– Когда? Что ты несешь, когда я мог тебе это сказать, ежели мы не виделись более пяти лет? – он с ужасом поднял на нее глаза. Лида, испуганная, села перед ним на корточки, заботливо заглянула в глаза.

– Во сне мне явился и сказал, чтобы дочку назвала Анастасией.

Арсений огляделся:

– Где мама?

– Схоронила прошлым летом, неделю только и похворала. Деньги мне твой человек приносил, но я не тратила много, тебя ждала. А разве письма через него нельзя было передать?

– Нельзя. – Он сказал это слишком строго, смутился, поправился: – Нельзя, Лида, письмо – не деньги, его ничем не оправдать в случае чего.

Она пожарила ему картошку на керосинке, все лепетала что-то, а Арсений держал на коленях девочку с любимым именем, родную кровь свою, но отцовское чувство не проклюнулось еще в глубинах истерзанной души.

– Ты мой папа?

– Конечно, Настасьюшка, это твой папа. Только, Арсюша, может, лучше тятей называть? Папа – это по-вашему, а мы же... из простых.

– Не знаю, решай сама.

– А где он был? – не унималась девочка.

– Далеко. Денежки нам с тобой зарабатывать. Арсюша, я тебе принесу деньги-то, они у меня прибраны.

Он впервые за много лет лежал под мягким одеялом рядом с молодой и красивой женщиной, матерью его дочери. В том он нисколько не сомневался, потому что тихонько осмотрел головку ребенка и за левым ушком нашел, что искал: большую родинку, сопровождавшую всех представителей рода Лячеков уже много веков. Не знавший женской ласки, он порой находил поступки и слова Лиды вульгарными и пошлыми, но теперь это была его жизнь, и надо было к ней привыкать. Странно, но он не испытывал ревности, хотя более четырех лет молодая женщина жила одна, без мужа, да и тот энкаведешник, наверняка не сразу от нее отстал, тем более, что братец скрылся так неожиданно. Об этом не думалось, даже если и был кто-то у Лиды, она имела на это право, потому что он, муж и отец их ребенка, был неизвестно где, она имела право, а он не мог ее ни в чем упрекнуть.

Утром он сказал, что завтра уедет на неделю, потом вернется и устроится на работу.

– Все будет хорошо, правда, Анастасия?

Он заглядывал в ее лицо и видел то, другое, это так сильно пугало его, что девочка дважды принималась плакать. Часть денег из привезенных с лесозаготовок он попросил Лиду хорошенько прибрать, с собой взял самую малую сумму.

– Арсюша, как с документами-то быть? Мы же не брат с сестрой, да и теперь все увидят, что семья. Может, уехать

куда?

– Куда? – тоскливо переспросил Арсений. Как он мог сказать ей, что живет только крохотной надеждой, даже иллюзией, и все остальное для него за пределами жизни. – Дай мне неделю сроку, потом займись семейными делами.

В Долматовском монастыре, до которого добирался несколько суток, его приняли при входе три монашки очень настороженно, а когда спросил о матушке Евлохе, старушки и вовсе закрестились:

– Слаба телесно стала настоятельница, – проплакала одна из них. – Ты бы, мил человек, сказал, по какому делу к ней, и кто ты есть, и откуда про матушку узнал? Без того не можем доложить, слаба она.

Арсений рассказал все, что касалось Анастасии, умолчав о смене имени и почти нелегальном своем положении. Он заметил, что более всего подействовало упоминание о монашке у Ганиной Ямы, похоже, старушки знали о ней:

– Жива еще? – удивилась старшая. – Когда ты ее видел?

– Неделю назад.

– Ишь ты, жива! Молитесь о ней, сестры! Посиди тут, я дойду до матушки, потом позову, если Бог даст.

Настоятельница приняла его в своей келье. Она сидела на жестком топчане, накрытом суконным солдатским одеялом, два грубо сработанных табурета и маленький стол чуть в стороне, в углу и на стенах старые закопченные иконы, перед Спасителем горит лампадка. Арсений поклонился ма-

тушке в пояс и поздоровался.

– Бога, стало быть, не признаешь и лба не крестишь? – скрипучим голосом констатировала монашка.

– Простите, матушка, веры нет, а обманывать не могу.

– И то хорошо. Что сказала тебе сестра наша при могиле невинно убиенного семейства Государева?

– Сказала, что Ее Высочество Анастасия Николаевна чудом осталась жива и обитает где-то в монастыре, а где точно, про то у вас велено было спросить.

– Это как же ты смог в душу ее войти, коли она крест целовала о святой тайне?

– Не знаю, матушка, наверно, горе мое ее убедило, что надо помочь.

– Пусть так. Молиться будем за отступление ее от слова клятвенного. Сестры пересказали мне твое бытие, только скажи: откуда у тебя сама мысль родилась о чуде спасения Княжны? А если все погибли, и ты упокоенную на небесах уж много лет на земле ищешь? Арсений зарыдал, опустившись на корточки и закрыв лицо руками: – Матушка, я и сам думаю, будь я уверен, что она погибла – мне бы легче стало, я бы немедля к ней ушел. С такой мыслью и Яму эту искал, с такой думкой и плакал на безобразной той ограде святого места. Но с детских лет была у меня странность: знать о событиях за много времени вперед, за это меня Распутин хотел к себе взять, а папенька возмутился, вот тогда-то и отправили нас в Сибирь. Я после ареста родителей вообще нико-

му не говорил о своих предвидениях, в народ ушел, пытался семью завести, да эта власть все приломала, я даже ребенка своего принять не могу, потому что жена моя по документам сестра, чем и спасли меня, когда в тифу лежал. На днях к Ганиной Яме на подводе ехал, прилег и не уснул даже, как родной голосок ее услышал: «Не ищи меня тут, нет меня здесь». Я понимаю, что эта способность дана мне свыше, и голос этот не мог быть случайным, это она говорила мне. Значит, жива, я верю в это, а коли так – найду ее.

Настоятельница сидела на своем ложе, сложив большие руки на коленях и шепча молитву. Арсений трепетно молчал. Наконец, она открыла глаза:

– Скажу сестрам, чтобы накормили тебя и в дорогу дали чего. А пойдешь ты, раб Божий, в Чусовскую обитель, я там жила когда-то, только нынче разорено все, сказывают, осталась одна пристройка, там и обитает Княжна под именем сестры Марии, так она назвалась сама. Об истинном ее лице знают только немного человек, ты должен будешь ей записку передать с обозначением себя и ваших отношений, тогда она выйдет к тебе. А ежели обман – грех на тебя падет и на весь род твой!

Арсений все еще стоял на коленях, молча поклонился старухе до самых сухих ног ее, поднялся, спросил:

– Что я могу сделать для вас, скажите?

Монашка засмеялась дребезжащим смехом, потом с улыб-

кой перекрестила свой беззубый рот:

– Да чем же ты, невера, погрязший в земных делах, можешь помочь нам, кто всякое мгновение рядом с Господом? Молись, в этом спасение.

– Спасибо вам, но мое спасение найти ее, без нее не буду жить, не могу.

– Обожди. Дьявол за тобой по пятам ходит, грешные мысли внушает. Сам лишишь себя – Господь не примет душу, тогда и там, на том свете, не встретишь ее. Молись, ибо в Боге сила! Иди!

Он вышел за ворота монастыря и только тут вспомнил, что не спросил, где же находится Чусовская обитель.

«Ничего, найду сам» – и зашагал в сторону тракта.

Небо подернуто обрывками туч, неяркое солнце изредка прорывается в прорехи между тучами, разгоняя земной сумрак и веселя природу. Арсений шел, уверенный, что его ждет удача, что в скромной монашке с полузакрытым лицом он узнает ту, которая вот уже десять лет живет в его душе и в его измученном сердце.

В назначенное время, в воскресенье, он был в условленном месте, полковник Урманский и еще двое мужчин в простых костюмах, ничем не отличающиеся от публики выходного дня, сидели за столиком и пили пиво. Арсений подошел со своей кружкой, для конспирации поискал глазами свободное место и шагнул к нужному столику:

– Позвольте, граждане?

– Вы бы еще сказали «господа». «Позвольте!». Теперь так никто не говорит, теперь говорят: а ну-ка, подвинься!

– Перестаньте ёрничать, Евстафий Евграфович, совсем смутили молодого человека. Арсений, я не буду называть вас по отчеству, понимая, что оно тоже вымышлено. Мы пришли на встречу с вами с единственной целью: определиться, с нами вы или вне нашего движения. Мы, группа русских офицеров, оставшихся в России не по своей воле, здесь, на Урале, готовим переворот, едва ли надо говорить, что подобные группы действуют во всех губерниях. Нам нужны преданные люди. Если вы готовы служить России, включайтесь в работу.

Арсений с недоумением смотрел на пожилых уже людей, нехотя глотающих противное пиво, и с трудом верил в реальность разговора.

– У вас, я вижу, есть сомнения?

– Да, и немалые. Я несколько лет проработал на лесозаготовках, потом на переработке древесины, то есть хочу сказать, что немного знаю истинное настроение так называемых масс. Народ только что начал более или менее нормально жить, с продуктами как-то проще стало, деньги чего-то стоят. Власть ругают потихоньку, но свою, местную, на центральную молятся, вне зависимости от партийности. Боятся или уважают – в нашем случае все едино. Прийти в рабочую бригаду и предложить выступить против власти – да вас сдадут в ту же минуту, тем более, что в каждом коллективе, бук-

важно в каждом, созданы ячейки большевиков. Переворот невозможен, господа.

Урманский заерзал на стульчике:

– Выходит, зря я вам доверился, вы и сами, наверное, готовы нас сдать ГПУ?

Арсений осуждающе на него посмотрел:

– Вы недостаточно знаете жизнь. Наверное, можно вредить на производстве, устраивать аварии, иными словами, мешать, исполнять свой долг, но это даже не часть движения к перемене власти. Я убежден, что большевики настолько крепко ухватились за власть, им так нравится править страной, хотя они вовсе не умеют этого делать. Ленин кухарок призывал к руководству государством, и это случилось, большинство начальников на местах не квалифицированной кухарки, но это временное дело, они сильно, напористо работают с молодежью. В жизнь входят молодые люди, совсем не знающие старой России, и они с нами не пойдут никогда.

Один из друзей Урманского спросил:

– Арсений, вы достаточно образованы и подготовлены. Это университет?

– Нет, самоподготовка.

– Давайте, я определю вас в лесное управление инспектором по кадрам, например, а далее посмотрим.

Неожиданное предложение поставило в тупик Арсения:

– Я подумаю над вашим предложением, тем более, что оно совпадает с моим намерением уехать из Ишима, где меня

знают и могут разоблачить. Но прежде у меня еще одна миссия.

Урманский спросил:

– Мы можем о ней знать?

– Конечно. У меня есть сведения, что Великая Княжна Анастасия жива и находится теперь в одном из монастырей. Моя задача – найти ее.

Все трое смотрели на него с недоумением:

– Сударь, – заговорил, наконец, третий, до сих пор не произнесший ни слова, – ваша информация совершенно не имеет под собой почвы. У меня на руках копия заключения следователя Соколова, который после освобождения Екатеринбург от большевиков по поручению Александра Васильевича Колчака проводил расследование, все сводится к тому, что спастись никому не удалось, да и возможности такой не было.

– Может быть, это фальшивка? – упавшим голосом возразил Арсений.

– Голубчик, я служу в таком ведомстве, где фальшивок не держат. Копия подписана лично Николаем Алексеевичем Соколовым, а я с его рукой знаком.

Арсению стало плохо, он вышел из стола и, наклонившись, убежал в кусты. Его стошнило, видимо, резко поднялось давление. Чуть отдышавшись, вернулся, извинился и сел на свое место.

– Не имею оснований не верить вам, как и верить, пока

сам не получу убедительные доказательства. Мне нужно побывать в Чусовской обители, по легенде (он уже допускал употребление такого слова) там живет монашка, назвавшаяся Анастасией.

– Милейший, по слухам, такие Анастасии живут чуть не в каждом городе и даже за границей. Конечно, очень хотелось, чтобы кто-то из фамилии остался в живых, выбрали Анастасию, она самая юная и, говорят, шустрая была. Вы хорошо знали ее, сударь?

– Да. Я хотел бы ознакомиться, насколько это возможно, с заключением господина Соколова.

Урманский написал на клочке бумаги какой-то адрес, вся компания поднялась и ушла. Арсений, потрясенный новостью, остался за столиком. Вокруг шумел город выходного дня. Гуляли мамы с детьми, молодые пары, обнявшись, сидели на садовых скамейках, милиционер в белой форме с черной кобурой на ремне регулировал движение редких машин на соседнем перекрестке.

Арсений снова почувствовал себя плохо, он неожиданно осознал простую вещь: дом смерти и святой крови совсем рядом, почему же он раньше об этом не подумал?! Как пройти к печально знаменитому Ипатьевскому дому, боялся спрашивать, и поджидал людей пожилых. Только третий из остановленных подробно описал, как можно добраться, уточнил, что в доме теперь музей революции и лучше о нем так говорить, и еще посоветовал особого интереса не прояв-

лять, потому что всегда есть агенты.

«Опять агенты!» – вздохнул Арсений и пошел в указанном направлении. Через час он был перед небольшим двухэтажным домом с красной вывеской. С ужасом прочитал, что площадь называется площадью народной мести. Он смотрел на окна второго этажа, где жила семья, вот у этого окна она стояла, возможно, протирала по утрам стекла от ночной влаги. Входя во двор, он представлял, как выносили ее тело из подвала, возможно, вот тут она лежала до погрузки в кузов автомобиля. Экскурсия юных пионеров проходила по зданию, и венцом воспитательной работы было посещение расстрельной комнаты. Арсений пошел за детьми, что-то слышал о справедливом возмездии, а сам смотрел на стену, избитую пулями, кирпичная кладка во многих местах была оголена. Его мозг заполнился выстрелами и криками, среди которых он искал Ее голос, но не находил, от запаха крови и пороха у него закружилась голова, и он уже не помнил, как охранник вывел его во двор.

– Чего это ты скovyрнулся? Жалко, небось?

– Да нет, после тифа я, а там душно.

– Посиди тут, в сторонке, я на службу пойду.

Арсений осмотрелся. Он сидел на большом камне, видимо, оставшемся еще от строительства дома, рядом с кучей строительного мусора, всего, что вынесли из дома после ремонта, в том числе и из подвальной комнаты. Он обомлел, лихорадочно разгребал битый кирпич и куски штукатурки,

что-то искал, еще не понимая, что, наконец, поднял плитку штукатурки, на беленой стороне которой проступали бурые круглые с потеками пятна. Он завернул плитку в платок и быстро вышел на улицу.

По указанному в записке адресу нашел хорошую квартиру, хозяин которой ни о чем не спрашивал, накормил, провел в комнату с постелью и оставил папку с бумагами. Арсений достал плитку штукатурки и положил перед собой на столе.

«Судебный следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. Соколов, 19 марта 1919 года, №46, г. Екатеринбург.

По имеющемуся в моем производстве делу об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и членов его семьи...».

Он читал до глубокой ночи, а когда выключил электричество, лунный свет упал на белую пластинку штукатурки, и капли крови ятно выступили на ее поверхности. Арсений закрыл руками лицо и так просидел до рассвета. Когда хозяин постучал в комнату, Арсений вышел, оставив на столе бумаги, отказался от завтрака и пошел в город. Чтобы навсегда вычеркнуть живую Анастасию из своего сердца, сохранив в нем память о нескольких часах, проведенных рядом и о нескольких годах надежд и поисков, ему осталось побывать в Чусовской обители. Он, нервный и чувственный человек, оставался суровым реалистом, когда в диалог вступали документы. Объемная итоговая записка расследования Со-

колова или протокол – как угодно его называй – был составлен весьма квалифицированно и убедительно. И хотя были мгновения, когда Арсений терял самообладание, оставив бумаги, безутешно рыдал на кожаном диване, он находил в себе силы и возвращался к бесстрастному тексту, который одинаково тщательно описывал детали дороги, места уничтожения тел, оторванный женский пальчик и обрывки девичьих интимных одежд.

В Чусовской обители он оказался не единственным посетителем, несколько старушек, тихонько переговариваясь, поджидали кого-то из-за ворот. Вышла высокого роста старуха, похожая на мужика, густо сказала:

– Вам, сестры, нынче отказано в беседе, приходите на следующей неделе. А ты, молодой человек, чего хочешь?

Арсений уже достал из мешка помятую тетрадку:

– Я попрошу передать записку сестре Марии, она ждет ее.

– Пиши, я потерплю.

«Помните ли вы о флаконе любимых Вами духов, которые я осмелился подарить Вам, а потом Вы вернули их мне как память? Ваш Боня».

Старуха ушла, и скоро в калитке появилась молодая монашка, по самые глаза повязанная черным платком. Арсений метнулся было ей навстречу, но что-то остановило его.

– А почему вы не написали, какие именно были духи? – чужим голосом спросила монашка.

– Это вы должны уточнить, если вы та, за которую себя

выдаете.

– Конечно, как могла забыть. Это моя любимая сирень. А вы? Я не помню вас...

Арсений не почувствовал разочарования, он молча поклонился, взял свой мешок и направился к дороге.

Круг замкнулся. Как жить, когда ее нет? Чем питать сердце и радовать душу? Он свернул с дороги в лес, упал на траву и затих. Бессонная ночь, ожидание встречи и горькое разочарование опустошили его физически, он забылся тяжелым сном много пережившего человека. Во сне он видел Лиду и дочку Стану, потом рядом с ними появилась Анастасия, она улыбалась и гладила Стану по головке. Ему сказала: «Не следует обо мне печалиться, мне хорошо тут. Не ищи меня, меня нет там, где ищешь. И девочку эту беру под свой покров».

Арсений проснулся бодрый и сильный, быстро пошел в сторону станции. Сну он не удивился, а обрадовался: ей хорошо, это она сама сказала, и Стану маленькую признала, добрый знак. Значит, и брак с Лидой косвенно благословила. Домой, домой, и к священнику на исповедь, не может человек без веры общаться со святой душой. Только примет ли православная церковь истинного католика? Ну, это пусть батюшка решает, если надо – приму православную веру, измены тут нет.

С этими добрыми мыслями пришел он на железнодорожный вокзал. Двое не очень молодых, но крепких мужчин,

одного из которых он видел вчера в той пивнушке, взяли его под руки и повели в сторону. Арсений сопротивлялся, но хватка у ребят была крепкая, они сели в легковую машину и поехали по вечерним улицам города.

– Вы меня арестовали? За что? Я не совершил преступления, я рабочий человек, – вспомнил он, наконец, спасительную линию поведения.

– Сиди спокойно, там разберутся, на кого ты работал, рабочий человек, – посоветовали из темноты слева.

Его со двора ввели в здание с затемненными окнами, провели коридором и открыли высокую двухстворчатую дверь.

– Товарищ следователь, арестованный Чернухин доставлен.

Тот махнул рукой, сопровождение исчезло.

– Ты понимаешь, где находишься?

– Нет, гражданин начальник.

– Это ГПУ, сюда в гости не ходят, мы занимаемся особо опасными государственными преступниками.

Арсений обрадовался:

– Тогда, гражданин следователь, мне бояться нечего, я для государства кроме пользы ничего не делал.

– Это хорошо, расскажи-ка мне, чем ты занимался в последние годы, где жил, что работал.

Арсений решил сказать, как было на самом деле, ведь все равно они узнают, если еще не знают:

– Живу в Ишиме, но пять лет почти работал на лесозаго-

товках по комсомольскому направлению. И в тайге работал, и на переработке, на распиловке то есть.

– Образование имеешь?

Арсений знал, что покойный брат Лиды окончил три класса.

– В школу ходил, но не очень тянуло.

– Так. А в комсомол когда вступил?

– Когда в депо смазчиком работал. Пришел человек, мы с ребятами написали заявления и получили документ. По тому документу и в тайгу уехал.

Следователь поддакивал и, кажется, мало интересовался тем, что говорил Арсений.

«Или все знает, или это его не интересует, потому что арест связан со встречей в пивной», – подумал он.

– Нескладно у тебя получается. Молодая беременная жена, работа есть, поросеночка держите, живете дружно, и вдруг ты на пять лет скрываешься, именно скрываешься из города. А жена тебя ждет, замуж не выходит, хотя, извини, по нашим данным, выбор у нее был.

Арсений всеми силами старался сохранить самообладание. Он почувствовал, что именно в эту минуту решается его судьба, ошибись он хоть в слове, хоть в интонации – провал. Откроется не только Урманский, с которым, по большому счету, у него общих дел не было, но откроется перемена имени, подмена недорезанного буржуя на пролетарского парня, да не по существу, а только по форме, а это столько вызовет

вопросов, что никогда на них не ответить, и ни один следователь не поверит, что он не враг и не подлежит аресту или даже расстрелу.

– Гражданин следователь, мне скрывать нечего, ведь кроме жены и меня еще и теща была, это не баба, а ведьма, я только от нее убежал, а почему в лес – мастером там работал наш бывший сосед, Слинкин по фамилии. Тоже семья дома осталась, а его мобилизовали однажды, он и остался, бабенку там себе завел, правда, к семье приезжал. Вот он мне и подсказал.

– В Свердловск зачем приехал?

– Работу присмотреть да перебраться.

– После пивнушки куда скрылся?

– Вот по этому делу и рыскал.

– Фамилия Урманский тебе что-нибудь говорит?

– Не знаем таких.

– А в пивнушке сидели за одним столом, разговаривали.

– Верно, сидел, люблю пиво, но в тот раз негодное было пиво, развели, должно быть. И говорили, пиво же пьем, почему не поговорить?

– О чем говорили?

– Да обо всем, эти трое спорили еще, кто в прошлый раз платил.

– И ни одного из них ты раньше не встречал?

– Так точно, не видел и не знаю.

Следователь устало потянулся, собрал со стола бумаги:

– Посидишь в камере, мы твои показания проверим, если что не совпадет, поедешь допиливать тайгу. Если найду хоть что-нибудь из связей с Урманским и кампанией – расстреляем. Конвой! В камеру. В одиночку.

Лежа на продавленном душном матрасе, Арсений еще раз дословно вспомнил весь разговор со следователем. Судя по тому, что его поджидали на вокзале, они видели, что клиент подошел с поезда и знали, что вернется. Следили за ним в его поездках по монастырям? Если бы да, следователь спросил бы о причине столь странных маршрутов путешествия комсомольца. Он понимал, что Урманский и другие сидят где-то рядом, контрреволюционная организация раскрыта, и он имеет к ней отношение. Если это откроется, он примет смерть достойно, чтобы достойно встретиться Там с Нею. Ему не казалось странным, что, не веря Богу и не молясь никому, он был уверен, что есть место на небесах, где встречаются умершие, там Она, собирая на обильных лугах любимые свои фиалки, тоже думала о нем и ждала встречи, хотя всем сердцем желала ему спокойной жизни на земле. Тот сон с косвенным благословением дочери он воспринимал как вещий. Еще одной мысли он улыбнулся: дочка стала ему ближе и дороже после видения Анастасии.

Трое суток его не беспокоили, три раза в день с грохотом открывалась квадратное окошко, и на откидную крышку швыряли миску с похлебкой. Арсений брезгливо съедал содержимое и ставил миску на место. Странно, но завтраш-

ний день его совсем не беспокоил, он знал два возможных решения и был готов к обоим. В двадцать шесть лет покидать мир нелепо и грустно, судьба Лиды и маленькой Анастасии заставляли замирать сердце, но он не волен был распорядиться их будущим, и это принуждало смириться. Он заставлял себя думать только о Стане, о встрече с нею, о том странном, незнакомом и непознаваемом мире, в котором она живет, и он будет рядом с нею, в это верил. Арсений возвращался в реальность и она была чужой ему, усилием воли уходил в забытие, жил в Варшаве, в Царском селе, видел издали Анастасию, непременно гуляющую с сестрами, мысленно вызывал ее на разговор, но она, грустно улыбнувшись, качала головой.

Несколько раз Арсений возвращался к записям следователя Соколова, находил в памяти описания отдельных деталей, которые убедили даже его своей достоверностью: пряжка от туфельки, он помнил ее, потому что однажды во время прогулки пряжка растянулась, Анастасия поставила ножку на край садовой скамейки, и Боня с волнением застегнул пряжку; бусинка в форме плода шиповника, сестры находили такие бусы безвкусицей, но Стана иногда надевала их; кусок материи по описанию совпадал с тканью ее легкой накидки.

Он настолько погрузился в свои размышления, что не слышал открывшейся двери и вздрогнул от окрика охранника:

– Чернухин, на выход!

В кабинете следователя спиной к двери сидел сутулый, худой человек. Следователь велел Арсению пройти вперед, и тот узнал Урманского, сильно похудевшего, с разбитым лицом:

– Узнаешь ты этого человека?

– Да, – как можно тверже ответил Арсений. – Мы с ним пиво пили за вокзалом.

– А вы, господин Урманский, что можете сказать о молодом человеке?

– Ничего, – спокойно ответил тот. – Или деревенский, или жулик, больно глупо выглядел и говорил.

– О чем?

– Да пустое, про баб, про скверное пиво, пришлось одернуть.

Следователь подписал бумажку на столе и протянул Арсению:

– Все, что видел и слышал – забудь. Комсомольская путевка твоя оказалась верным документом, она тебя спасла. Свободен, и чтобы через пять минут духу твоего тут не было!

Арсений вышел с черного хода, добрался до вокзала и утром был в Ишиме. Лида уже ушла на работу, Анастасия одна играла дома, закрыв дверь на крючок. На стук она спросила:

– Кто там?

– Стана, открой, я твой папа. – Он выговорил это с трудом,

понимая, что такой фразой отрезает путь к прошлому.

– Ну-ка, подойди к окну, чтобы я увидела.

Пришлось выполнять. Приподняв занавеску, девочка вскрикнула: «Папка!» и побежала открывать дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.